

Похвала праздности

Пролог

В этой книге собраны очерки, посвященные социальным проблемам, о которых редко услышишь в политических дебатах. Здесь я предупреждаю об опасности как чрезмерного контроля над умами, так и чрезмерной ретивости в действиях.

В каких-то эссе я объясняю, в чем не согласен ни с коммунизмом, ни с фашизмом и почему в принципе не приемлю общие для них идеи. В других говорю о важности знания — не столько в силу его практической пользы, сколько потому, что оно формирует привычку мыслить всесторонне, — и с этой точки зрения даже те знания, которые в наши дни принято считать «бесполезными», совершенно необходимы. Один из очерков посвящен влиянию архитектуры на такие социальные проблемы, как благополучие детей и положение женщин. Еще дальше от политики отстоят размышления об истории западной цивилизации и о вероятности того, что однажды человечество будет раздавлено насекомыми. Заканчивается сборник кратким рассуждением о природе души.

Главная цель книги — показать, что мир раздирают нетерпимость, фанатизм и идеализация бурной деятельности независимо от ее направления, тогда как наше сложное современное общество нуждается в спокойном размышлении, в готовности переосмыслить устоявшиеся догмы и оставаться открытым ко всевозможным точкам зрения.

В сборник наряду с новыми эссе вошло несколько прежних, перепечатанных с любезного разрешения издателей. «Похвала праздности» и «Мидас нашего времени»

публиковались в *Harper's Magazine*; «Происхождение фашизма» (под другим названием) выходил в английском *The Political Quarterly* и американском *The Atlantic Monthly*; «Сцилла и Харибда, или Коммунизм и фашизм» печатался в *The Modern Monthly*; «Современное единообразие» выходил в Нью-Йорке в *The Outlook* (ныне *The New Outlook*); «Воспитание и дисциплина» публиковалось в *The New Statesman and Nation*. Мне также хотелось бы особо отметить содействие Питера Спенса, который предложил и обсудил со мной многие из затронутых здесь тем.

Глава I

ПОХВАЛА ПРАЗДНОСТИ*

Подобно большинству людей моего поколения, я воспитан в духе поговорки: «Праздность — мать всех пороков». Будучи очень послушным ребенком, я внимал всему, что мне говорили, и вырос с сознанием, которое по сей день заставляет меня усердно трудиться. И хотя это сознание продолжает управлять моими поступками, взгляды мои претерпели радикальные изменения. Я считаю, что в мире совершается масса лишней работы, что представление о работе как о добродетели крайне вредно и вообще в современных индустриальных странах самое время начать проповедовать идеи, отличные от тех, что проповедовались до сих пор.

Всем известна притча о путнике из Неаполя, который увидел двенадцать развалившихся на солнышке нищих (дело было еще до Муссолини). Одиннадцать из них вскочили в надежде получить от него монету, а он отдал ее двенадцатому. Так вот, тот странник был на верном пути. Конечно, в местах, обделенных средиземноморским солнцем, лениться сложнее и для прославления праздности понадобится внушительная общественная пропаганда. Я лишь надеюсь, что последующие страницы убедят лидеров *УМСА***

* Написано в 1932 году.

** Ассоциация христианской молодежи, волонтерская организация. Целями программ *УМСА* являются укрепление нравственного и физического здоровья людей, объединение их для общественно-полезной деятельности, воспитание уважения к общечеловеческим ценностям. — *Примеч. пер.*

развернуть кампанию по знакомству молодежи с ничегонеделанием. В этом случае моя жизнь будет прожита не зря.

Прежде чем перейти к доводам в защиту праздности, я должен разделаться с одним распространенным мнением, которое решительно отвергаю.

Зачастую тем, кому хватает средств к существованию и кто при этом желает устроиться на каждодневную работу вроде преподавания в школе или машинописи, ставят в вину, что таким образом они отнимают кусок хлеба у нуждающихся и поступают безнравственно. Если признать этот довод правомерным, то нам следует бездельничать, чтобы на всех хватало хлеба. Однако люди с подобными взглядами забывают о том, что человек обычно тратит то, что зарабатывает, тем самым создавая рабочие места. Человек, который тратит заработанные деньги, обеспечивает хлебом по крайней мере столько же ртов, сколько обделяет. С этой точки зрения настоящий негодяй — тот, кто копит сбережения. Человек, складывающий заработок в кубышку подобно крестьянину старого закала, очевидно никого работой не обеспечивает. Если же он деньги вкладывает, тогда дело обстоит несколько сложнее, и тут возможны варианты.

Самый распространенный способ хранения денег — одолжить их государству. Учитывая тот факт, что народные средства в большинстве цивилизованных стран уходят либо на выплату за прошлые войны, либо на подготовку к новым, человек, отдающий свои сбережения государству, подобен шекспировским злодеям, нанимающим убийц. Результатом экономической деятельности такого индивида будет усиление военной мощи государства, которому он дает займы. Понятно, что лучше бы он свои деньги пропивал или проигрывал.

Позвольте, возразят мне, ведь сбережения можно вкладывать и в промышленность! Я готов с этим согласиться, если предприятие успешно и производит полезный товар. Однако в наши дни никто не станет отрицать, что большинство предприятий прогорает. Таким образом огромное количество рабочей силы, которая могла бы производить что-то полезное, тратится на изготовление машин, простаивающих потом без толку. А человек, вкладывающий

средства в концерт, который рано или поздно разорится, вредит и себе, и другим. Потратить он эти деньги, скажем, на пирушки с друзьями, вместе они (будем надеяться) хорошо повеселятся, а кроме того доставят удовольствие всем, у кого что-либо купят: мяснику, пекарю и торговцу спиртным. С другой стороны, вложи он деньги в трамвайные рельсы там, где трамваи никому не нужны, — и масса труда уйдет на то, что никому не доставит радости. Тем не менее человека, обедневшего в результате краха собственных инвестиций, посчитают жертвой неудачного стечения обстоятельств, тогда как веселый гуляка, растративший сбережения на радость людям, прослывет легкомысленным болваном.

Теперь перейдем от вступлений к делу. Я со всей серьезностью утверждаю, что вера в величие работы наносит современному миру огромный вред и что счастье и процветание достигается через организованное сокращение рабочего дня.

Прежде всего, что есть работа? Она бывает двух видов. Первый заключается в изменении положения материи относительно другой части той же материи на или возле поверхности земли; второй — в том, чтобы указывать другим, что нужно делать. Первый вид малоприятен и плохо оплачивается; второй вполне приятен и оплачивается хорошо. Второй вид можно расширять до бесконечности: к нему относятся не только те, кто отдает приказы, но и те, кто дает советы касательно того, какие приказы следует отдавать. Как правило, противоположные советы одновременно поступают от двух организованных групп — это зовется политикой. Для такой работы требуется не знание предмета, в отношении которого дается совет, а мастерское владение искусством убедительно говорить и писать, то есть искусством рекламы.

В Европе — не в Америке — распространен третий тип людей, уважаемых больше, чем любой из двух классов тружеников. Представители этого сословия, унаследовав землю, заставляют других платить за привилегию жить и работать. Казалось бы, раз землевладельцы ничего не делают, я должен их похвалить. Увы, такое праздное существование возможно лишь за счет эксплуатации других. Более

того, именно стремлению знати к уютной праздности мы обязаны возникновению культа труда. Таким людям в последнюю очередь нужно, чтобы остальные следовали их примеру.

С момента зарождения цивилизации вплоть до промышленной революции изнурительный труд обеспечивал мужчину лишь немногим больше, чем требовалось для собственного выживания и содержания семьи, притом что, как правило, жена трудилась ничуть не меньше, а дети включались в работу, как только подрастали. Скромные излишки сверх жизненно необходимого никогда не доставались тем, кто их производил, — все забирали воины и церковники. В голодные времена, когда излишков не было вовсе, воины и церковники неизменно продолжали забирать свою долю. В результате многие работяги умирали от голода. Такой порядок просуществовал в России до 1917 года* и до сих пор существует на Востоке. В Англии, несмотря на индустриальную революцию, он сохранялся вплоть до конца Наполеоновских войн, исчезнув лишь столетие назад, когда к власти пришел новый класс промышленников. Американская революция положила конец этой системе по всей стране, кроме Юга, где та сохранялась до самой Гражданской войны.

Порядок, просуществовавший так долго и закончившийся лишь недавно, наложил глубокий отпечаток в сознании людей. Многие убеждения в нравственной природе труда, которые мы принимаем как данность, являются пережитками той доиндустриальной, не приспособленной к современным условиям системы. Благодаря появившейся технике досуг из прерогативы привилегированного меньшинства превратился в право, доступное практически в равной степени всем гражданам. Доктрина труда — это доктрина рабов, а в современном мире рабству не место.

Очевидно, что земледельцы примитивных общин не стали бы добровольно отдавать свои лишние крохи на пропитание воинов и жрецов, а производили бы меньше или

* После чего воинов и церковников успешно заменили члены Коммунистической партии.

сами съедали бы больше. То есть поначалу излишки из них выколачивали силой. Однако со временем многих удалось убедить в том, что тяжкий труд — их моральный долг, даже если часть его шла на поддержку чьей-то праздной жизни. Такая мораль значительно уменьшала необходимость в принуждении и, следовательно, сэкономила государственную казну. До сего дня девяносто девять процентов британцев ужаснулись бы предложению сократить доход короля до размеров заработной платы обычного рабочего. На протяжении истории понятие долга служило власть имущим средством подчинения масс интересам хозяев. Сами же власть имущие, естественно, успешно внушают себе, что их интересы совпадают с интересами большей части человечества.

Впрочем, случалось и такое.

Афинские рабовладельцы, например, пожертвовали частью своего досуга на создание непреходящих культурных ценностей, что было бы немислимо при справедливой экономической системе. Досуг жизненно важен для развития цивилизации, а в прошлом досуг немногих обеспечивался за счет массового труда. Такой труд был ценен не тем, что обеспечивал их работой, а тем, что обеспечивал другим досуг. Теперь же благодаря современной технике свободное время можно распределить справедливо и безо всякого урона цивилизации.

То, что новые технологии позволяют значительно сократить количество труда, необходимого для жизнеобеспечения каждого, стало очевидно во время войны. Тогда из обычной продуктивной деятельности выпали все военно-обязанные, все рабочие, которых перекинули на производство оружия и боеприпасов, все мужчины и женщины, задействованные в шпионаже, военной пропаганде или работавшие в правительственных органах на войну. Тем не менее такого высокого подъема средних показателей физического состояния среди неквалифицированных рабочих на стороне Союзников не наблюдалось ни до, ни после. Значимость этого факта притупилась из-за финансовых займов, создававших впечатление, что настоящее кормилось за счет будущего. Впечатление, разумеется, ложное: нельзя съесть батон хлеба, который еще не испекли. Вой-

на бесспорно доказала, что при научной организации производства население может жить комфортно, задействуя лишь малую часть рабочего потенциала. Нет бы сохранить тот порядок, который высвободил столько людей для военных нужд, и сократить рабочий день до четырех часов! Увы, после окончания войны все вернулось на круги своя: тех, чья работа была востребована, вновь заставили отрабатывать долгие часы, а остальных бросили голодать без работы. Почему? Да потому что работа — это долг, и платить человеку надо не за то, что он произвел, а за проявленное им трудолюбие.

Налицо мораль рабского государства, примененная в условиях, не имеющих ничего общего с теми, в которых она возникла. Неудивительно, что она привела к катастрофическим результатам.

Рассмотрим такой пример.

Допустим, некая часть населения планеты задействована в изготовлении булавок. Люди производят необходимое количество булавок, работая, скажем, по восемь часов в день. В какой-то момент появляется технология, позволяющая удвоить производительность. Человечеству столько булавок ни к чему. Кроме того, они уже настолько дешевые, что больше продать не удастся и по сниженной цене. В разумном обществе трудовой день на булавочных предприятиях сократили бы до четырех часов, сохранив все остальное без изменений. Однако в реальном мире такой подход сочтут разгильдяйством. Люди продолжат работать по восемь часов в сутки, на булавки не будет спроса, предприниматели разорятся и уволят половину работников, занятых в отрасли. В итоге высвободится столько же времени, как и в первом случае, только половина людей останется без работы, а половина будет по-прежнему перегружена. Такой вынужденный досуг наверняка станет причиной сплошных страданий, а не источником всеобщей радости. Что может быть абсурднее?

Сама мысль о том, что беднякам полагается досуг, никогда не укладывалась в голове у богатых. В Англии начала девятнадцатого века стандартный рабочий день взрослого длился пятнадцать часов, дети же работали по двенадцать, а нередко и столько же, сколько взрослые. Недовольным,

которые высказывались в пользу сокращения трудового дня, говорилось, что работа удерживает взрослых от пьянства, а детям не дает хулиганить. Когда я был ребенком, вскоре после того, как городские рабочие добились права голоса, в законе утвердили несколько праздничных дней, что вызвало бурное негодование у высших классов. Помню, как возмущалась одна герцогиня: «И зачем только беднякам лишние выходные? Пусть работают!» В наше время люди менее откровенны, хотя продолжают так думать, и этим во многом объясняется бардак в современной экономике.

Давайте взглянем на этику работы без обиняков и предвзвешенных рассуждений. Каждый человек в течение жизни неминуемо потребляет некоторое количество результатов чужого труда. Исходя из допущения, что труд, по сути, процесс малоприятный, было бы несправедливо, если человек потреблял бы больше, чем производил. Конечно, не обязательно работать на производстве, можно оказывать услуги, как это делают, например, врачи, но свой хлеб и кров так или иначе нужно зарабатывать. В таком смысле, и только в таком, обязанность работать вполне оправданна.

Не стану углубляться в то, что в современном мире, кроме разве что СССР, многим удастся вовсе не работать. Речь о тех, кто наследует капитал или женится на деньгах. Мне гораздо проще смириться с фактом, что этим людям позволено бездельничать, чем с несправедливостью, ставящей наемных работников перед выбором: трудиться свыше своих сил или голодать.

Работай обыкновенный служащий по четыре часа в сутки, товаров и работы хватило бы на всех — при условии некоторой адекватной реорганизации производства. Богатых подобная мысль ужасает, потому что они убеждены, что бедняки понятия не имеют, куда девать столько свободного времени. В Америке нередко перерабатывают даже очень обеспеченные люди; им, естественно, претит идея досуга для рабочих и служащих — за исключением сурового наказания безработицей. Такие люди не терпят бездействия даже собственных сыновей. При этом любопытно: если от сыновей они требуют, чтобы те работали не покладая рук и не имели времени на культурные излишества, то отсут-